

ЮЛИЯ ПРИМ

ОН - ЕЁ АНГЕЛ
ОНА - ЕГО ДЕМОН...

ИНТЕРДИКТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

автор: Сандрелла

18+

Юлия Прим Интердикт

<https://litres.ru/73351792>

SelfPub; 2026

Аннотация

На шестнадцатилетие Он подарил Ей крылья, а сердце отдал и того раньше.

И вот Ей восемнадцать. Он старше. Опытнее. Спокойнее. У него давно отношения, невеста, а Она — профессионально разводит на деньги конкурентов отца. Играет роль прожжённой эскортницы. Вместо балета, теперь танцует стриптиз и привлекает Его внимание всем, чем только возможно.

Он — её Ангел. Она — его маленький Демон... Им бы просто быть вместе. Не сопротивляться судьбе. Но против этого семья, обстоятельства и... Все

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Обломщица	8
Глава 2. Мятежница	48
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Юлия Прим Интердикт

Пролог

Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства ©сн 3:14

-Катерина-

Католический собор. Деревянная кабинка для отмаливания грехов на исповеди. Неплохая шумоизоляция с внешним миром и совсем тонкая рельефная решетка, что прячет в тени лицо грешника, от чистого послабляющего взгляда святого отца.

— Обожаю, — уверяю своим сбитым дыханием, в то время как тот, на кого никак не могу насмотреться с раннего детства, ритмично поднимает и опускает меня на свои колени. Вырывает из груди стоны, глушит их отголоски яростными и несдержанными поцелуями.

Под моими пальцами плотная мужская рубашка и стальные мускулы. Воскресенье. Церковная проповедь в самом

разгаре. Толстая деревянная стенка отделяет нас от родных и той ненавистной блондинки, что зовётся его невестой; от прочей толпы и десятка священнослужителей. А здесь, в небольшой деревянной каморке: я, он, душный воздух. Один на двоих, запах обжигающей похоти.

Неконтролируемое желание, что преследует обоих с того самого момента, как осмелились друг друга попробовать. Один взгляд — как запал быстрого фитиля. Моментальный взрыв и ударная волна, расходящаяся по всему телу.

Распространение этого пожара сдерживает только большое количество поцелуев. И они же заставляют просить о большем: дышать с ним; стонать громче; становится пластилином под горячими мужскими пальцами.

Сколько лет, до момента совершеннолетия, я мечтала о нём? Создала себе собственный фетиш, в то время как Лёшка принципиально обходил меня стороной. Держал на расстоянии вытянутой руки. Оберегал. Защищал.

Не пялился на меня так откровенно как остальные. Пусть даже и украшал моё тело своими работами. Профессионально переносил на кожу эскиз, а под неё впрыскивал очередную дозу обожания к себе.

Лёшка никогда не смотрел на меня... Так, как сейчас. И даже собирался жениться, а я...

— Люблю тебя, — стону в его приоткрытый рот. Отбиваю

каждый слог о стенку чужого горла. Кусаю его губы. Засасываю между своими.

— Кать..., — молит он о пощаде, сгустив голос до звериного рыка.

Теперь уже я задаю новый темп: быстрый, неистовый. Потому что не хочу его отпускать. Ни к кому. Никуда на свете! Сутки не видела. Не прикасалась. Изнемогала. Слишком соскучилась!

Сейчас моё время. Пусть здесь. Пусть не вовремя.

Платье давно сползло по плечам. Тело покрылось слоем испарины. Объёмная грудь, по бокам которой им высечены чёрные пушистые крылья, едва ли не скачет перед мужским лицом. Дразнит стоячими, бордовыми сосками. Колышется пёрышками ожившего эскиза.

Лёшка не сдерживается, захватывает губами упругую плоть, сковывает ладонями мои бедра, фиксируя их в наивысшей точке. Едва не выходит из меня, заставляя опустошить нутро яростным возгласом неудовольствия.

— Лё-ёшшш, — прошу, вырываясь из пут. Прохожусь по голове пятерней, взлохмачиваю слегка отросшие тёмные волосы. На макушке они длиннее, а затылок всё более выбрит. И щеки идеально гладкие, хоть проходи языком для проверки.

Секунда. Две. Полный вперёд!

Он успевает зажать мне рот своей широкой ладонью. За

миг до того, как меня буквально разрывает на части от гаммы нескончаемых ощущений, которые рождает лишь он. Кричу в плотно сомкнутые пальцы, зажмуриваю глаза и ощутимо падаю вниз. К закрытым вратам всеми желанного Рая. Мо-ему Ангелу там самое место, а мне, по родству с низшими, проход навеки заказан.

— Катерина, — укоризненно комментирует моё грехопадение святой отец, так не вовремя появившийся за хлипкой стенкой.

Тело ещё содрогается в сильном спазме. Крепкая мужская рука вдавливают спину в железную грудь. Позволяет сохранять хрупкую связь с действительностью...

— Я отмолю, Падре..., — обессиленно выдыхаю в крепкую шею. Широкая ладонь сползает с моих губ ещё ниже. Тянусь к ней. Цепляю губами любимые пальчики. Целую их. — Он тоже. Правда, — заверяю тихо смеясь. — Позвольте закончить.

— Бог с вами, — вздыхает за стенкой седовласый служитель, ненароком заставший акт спонтанного уединения.

Тихо покидает свою кабинку.

— Слышал, Капа? — мягко издеваюсь над Лёшкой. Прижимаю к груди своего самого родного и любимого человека на свете. — Плевать на всех вокруг. Нас с тобой только что заочно на всё благословили!

Глава 1. Обломщица

Если имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто©сп 13:2

-Катерина-

За три месяца до событий пролога и за сутки до совершеннолетия.

— Ка-тень-ка-а, — так и тянет ко мне свои липкие руки Егоров, пользуясь кратковременным отсутствием отца.

Взрослый, состоятельный, с солидным брюшком и наметившейся проплешиной на затылке. Облизывает свои узкие губы, иссушая их горячим дыханием от желания, с которым смакует по слогам моё имя.

— Ты невероятно красива, — наклоняется ко мне очередной воздыхатель. Тянет носом мой запах в сантиметре от шеи.

Хозяйский кабинет, помимо моих дерзких сладких ду-

хов, пропитан ароматом хорошего табака и дорогого пойла. Здесь, среди кожи и элитного дерева мой отец, Виктор Беров, решает свои важные вопросы, заключает судьбоносные сделки и снимает компромат, порой подставляя любимую дочь в правильный ракурс под скрытые камеры.

Никакого секса, никаких откровенных сцен или полуголых тел на отснятых снимках. Только мимика, говорящие взгляды, слова, похоть, намеки. Обещания бросить Мир к моим длинным ногам; развестись с женой, на полпути, пока будет тащить приданное к дверям спальни...

К своим восемнадцати я знаю всё о тактике мужского обольщения. Умею пользоваться своей невинной мордашкой; делать макияж, акцентирующий природную красоту; выдавать себя за школьницу, на манер азиаток или набрасывать себе сверху хороший десяток лет.

У партнёров отца разный вкус. Спрос оправдывает предложение. А у нас с папочкой уговор: после ухода из семьи мамы, я полностью завишу от него до того самого момента, пока не смогу сама себя содержать. В список моих потребностей, помимо съёма квартиры, еды, он внёс также ещё и учёбу.

Никто не позволит дочери Беровева бросить распиаренную им Академию Искусств. Тем более, когда отец входит в совет управления этой коммерческой организацией, является главным спонсором и идейным вдохновителем продвижения

молодёжи.

В итоге счёт, который я обязана ежемесячно оплачивать, чтобы свалить от его попечения, стремиться к долбанной бесконечности.

Балет, которым профессионально занимаюсь с трёх лет, не погашает и пятой доли необходимой суммы. А в расходы входит ещё всё непредвиденное.

Выбраться из этой кабалы не представляется возможным, если вести себя правильно. Приходится изголяться: намекать на подарки, которые после удаётся удачно продать; влюблять взрослых мужчин в свою молодость, красоту, непорочность. Короче, доить, пока доится и периодически пополнять на нормальные суммы свой счёт. А ещё постигать азы новой профессии: осваивать пилон в персональном тренажёрном зале, пока папа не видит.

Восемнадцать. Завтра. Фактически, после полуночи.

Тот день, что я жду с отупляющей дрожью. Тот, что, заочно, уже ненавижу.

Последние несколько лет я безнаказанно оттачиваю свои умения на партнёрах и конкурентах отца. Веду провокационный блог, «кручу хвостом», как высказался бы брат в преглупейшей попытке образумить себе подобное. Я развожу их на подарки, пугая весомым родством и законом при малейших попытках приблизиться, а они... Повышают ставки в негласном аукционе, озвученным в шутку отцом: на выкуп

права моей первой ночи.

— Ка-тень-ка-а, — слащаво повторяет Егоров, с трудом подтирая при мне свои слюни. — Лазурный берег, шикарный отель, свечи, звёзды... Сопроводи меня на встречу днём, а вечером и ночью...

— Игорь Николаевич, — томно вздыхаю, торопя отца всеми проклятиями. — Вы же женаты. У вас секретарша в любовницах. Зачем вам я, когда могу присутствовать рядом только с позволения папы. Да и то, если он будет где-то поблизости.

— Душа моя, — масляный взгляд мужчины раздевает меня уже не первую встречу, а пальцы так и сжимаются в кулаки, чтобы не начать стягивать с меня в реале соблазнительную одежду.

Сейчас на мне короткое приталенное платье. С закрытым декольте, но со слишком обещающим вырезом на спине и глубоким разрезом.

— Твой день рождения..., — скалит он белоснежные зубы. — Я сделаю его самым особенным в твоей жизни. Готов заплатить не глядя. Любую сумму, что Виктор озвучит. Готов взять тебя в жёны и молиться на тебя, как на икону, ежесекундно.

— Ах..., — выдыхаю пространственно, явно намекая на моральный оргазм от лапши, что давно оттянула уши к моей пышной груди. — Игорь Николаевич, я...

— Катерина, к себе вали, — строго призывает к порядку отец, получая от меня вздох благодарности.

— У вас припрелестнейшая дочь, — всё ещё тает в улыбке Егоров. И мажет невидимые слюни по моей заднице, ощути-мо провожая меня огненным взглядом.

Коридор. Холл. Иду, спешно отбивая шаг каблуками.

Моя спальня. Тяжёлая дверь. Сердце на выкат от бешено подскочившего пульса. Ищу телефон под подушкой. Фейс айди. Короткий прямой.

— Привет, — глупо пялюсь в экран по видеосвязи. — Слушай, у меня к тебе безумно важное дело. Ты бы не мог сегодня приехать?

— Конечно. Когда? — безотказно отзывается Лёшка. Рабочие часы. Кабинет на двоих, где несёт «службу» будущий дипломат. Гордость и надежда родителей...

— После полуночи. Пожалуйста. Не хочу, чтобы тебя видели брат или папа, а дело такое... Короче, Капа, я без тебя не справлюсь.

Любимые губы тянет в улыбке. Бездонные глаза смеются, но осматривают меня с какой-то толикой понимания. Я для него кто? Вечно приставучая, младшая сестра друга. Он для меня? Всё. Если не сказать большего.

— Вот, ведь, Катастрофа... Шампанское брать?

— Бери. Заодно и отпразднуем мой день рождения. Толь-

ко нормальное, Лёш, охлаждённое.

— Катеринка-керосинка, что ты там опять выдумала? — трёт переносицу, будто подбирая слова, чтобы отказаться и передумать.

Тёмная чёлка слегка накрывается вниз. Смотрю и понимаю, что только с ним не умею играть. Зависаю в моменте. Онемевшая. Обезмолвленная.

— Ты пообещал, — выпаливаю и отключаюсь.

Сажу на постели нервно отстукивая о пол каблуками. Или я сама определяюсь или папа подкинет кандидата. Выбор не велик.

Проблема в том, что Лёшка на меня абсолютно не падок. К своим двадцати четырём уже семь лет состоит в отношениях. Официально помолвлен. Без оглашения даты свадьбы. А я... Мелкая сестра друга, что вечно дёргает его по пустякам. Смотрит, любитесь им искоса и порядком стесняется.

Что реально видит он во мне...? Остаётся только догадываться.

Но, если Капулов что-то обещал... Надежда и гордость — это именно про него.

Моя ставка выгорит и обязательно сыграет.

**Путь грешников вымощен камнями,
но на конце его — пропасть ада**

-Катерина Бероева- 18 лет

Младшая сестра Стаса Бероева/БерСа

Профессионально занимается хореографией и считает, что хороший балет не отделим от пилона. Там, в свете софитов, под маской, она умеет творить то же искусство, только получает за это больше и наליком.

БерШКа — одно из прозвищ от имени и фамилии.
Она же Бероева Катюшка.

Умеет за себя постоять. Благодаря Капе, владеет азами боевых навыков и метанием ножа.

Учится в Академии Искусств. С детства осталась без опеки мамы. Мечтает свалить из-под гнёта отца. В идеале за-

муж. В идеале за того же Алексея Капулова, чей идеальный образ проследует с детства своей первой и глупой любовью.

Катастрофа. Полная и неминуемая.

Катерина — независима от мнения окружающих. Любит поражать, удивлять и быть в центре внимания.

В общем, делает всё, чтобы привлечь к себе то единственное и необходимое мужское, о котором столь давно грезит.

Что из этого выйдет? Увидим...

Бунтарка

Нечестивый берёт займы и не отдаёт, а праведник милует и даёт ©сн 36:21

-Катерина-

Полумрак. Широкий спортзал под домом. Балетный станок, мини тренажёрка, подвешенные груши, новенький пи-

лон на моей территории и многочисленные яркие маты, один из которых украшает белоснежный шелковый свёрток.

Стул посередине комнаты, раскрытое полу окно, выходящее на темную сторону двора и телефон в моей руке, что давно стала липкой от ожидания.

— Капа, ты не можешь меня кинуть..., — зову в пустоту, матеря про себя всю дурость идеи.

Зал заперт изнутри. Я сама проникла внутрь через окно. Переделась для встречи с ним в заранее заготовленное.

До этого соорудила на своей постели подобие спящего человека, замкнула дверь на замок, да приперла ручку стулом. Вылезла вниз, через окно по водосточной трубе. Так и не узнаешь про побег, если не заглянешь внутрь...

А желающих, надеюсь, до утра не найдётся. Отец знает, насколько я ненавижу упоминание об этом дне рождения. Брат отмахнется тем, что не вспомнит. На тренировки после полуночи мало кто способен решиться, следовательно... Я всё же имею хорошие шансы на то, чтобы не оказаться застуканной.

Тихое шуршание от окна. Вонзаю ногти левой в напряжённые мышцы.

— Катеринка, блин, шампанское расплескаю, — выпаливает Лёшка, глухо спрыгивая из окна в отделанный подвал.

— Я тут, — растягиваю губы в глупой улыбке, подсвечиваю его путь фонариком от телефона.

Он глушит картинку. С непривычки перед его глазами должен гореть лишь один огонёк, а за ним...

— Полночь уже наступила? — уточняю тише, чем прежде.

— Да, малая, — подмахивает в воздухе открытой бутылкой, придавленной по горлышку большим пальцем. — С днём рождения! — подкрикивает шепотом.

Встаю со стула на все шестнадцать сантиметров каблука, вместо привычных пуантов. Манерно поправляю перед ним свою тёмную пачку.

Он уже совсем рядом. На расстоянии метра.

— Что ж. Тогда давай начинать праздновать, Лёш, — смеюсь тихим шёпотом, прикладывая дрожащий палец к его губам в знак молчания.

Вместо корсета на мне ажурное боди. Грудь поддерживает серьёзный пуш-ап. Лосины заменили чулки с ажурной резинкой на которой прилеплены какие-то школьные банты. Так и хочется их сейчас сдернуть, но это не выполнить разом, не оголив по-бл*дски едва прикрытую пятую точку.

— Чёрный лебедь? — ведёт Капа бровью, пытаюсь сохранить былое веселье. С ним рядом всегда было просто. Сейчас — достаточно напряжённо.

— Решила разнообразить профессию. Завтра на собеседование с общим прогоном перед десятком лиц. Хотела, чтобы ты заценил первым.

— Ка-аать, — задумчиво кусает губы. Убирает палец со

стеклянного горлышка, совершает щедрый глоток из бутылки.

— Да ладно, чё ты стесняешься, — давлю смешком, будто бы ни бывало. — Капа, мою голую грудь ты уже видел. Садись.

Даю голосовую команду, умной гирлянде. Пространство подсвечивается по периметру светло-синим. Присматриваюсь. Убираю контраст.

Тот же полумрак, но более различимый. Видны детали и моё тело среди прозрачного.

Тяжёлый мужской выдох. Ощущаю спиной не менее долгий взгляд. Включаю с экрана негромкую фоновую музыку. Захватываю правой пилон. Прошу, широко улыбаясь:

— Пару глотков мне оставь. Горло сушит от быстрых движений.

— Твою мать..., — не сдерживается он запоздало, а я уже прикрываю глаза, представляя, что прячусь от всего мира за маской. Вдыхаю музыку и начинаю танцевать... Для него. Единственного мужчины, с кем вижу себя в мечтах, и перед кем так совестно, и отчасти стыдливо раздеться.

Балетная пачка. Под ней небольшой прозрачный лоскут над такой же тончайшей полоской боди и ещё более узкими шнурочками-трусами.

Вертикальный шпагат, лёгкая прокрутка по стальной трубе. Воздух колышет материал, полностью открывая бедра,

промежность и ягодицы. Стараюсь не думать о картинке, что предстает перед мужским взглядом. Поднимаюсь выше, прогоняю отработанные верхние связи.

Зависаю головой вниз и ловко расстёгиваю между ног кружевное боди, избавляясь от него в быстром рывке.

На мне в остатке высокий лиф, микро трусы, такая же юбка, чулки и туфли.

Разгон по спирали.

Если Лёшка и хотел что сказать, остановить, в такой момент я бы уже и не услышала. Здесь помог бы лишь окрик, но вокруг тихая спокойная ночь. И двое мужчин, как минимум, помимо нас в доме. Хотя, Стас, он же брат и бесплатный советчик, мог давно и свалить. Что ему за дело до моего дня рождения? А папа... Папа, теоретически, должен сегодня меня бдеть. Иначе его план на моё счастливое будущее слегка накрениться.

Щелкаю замком, оголяя грудь. Те самые Лёшкины крылья, что послужили когда-то подарком на моё шестнадцатилетие и были очень аккуратно и целомудренно им наколоты. Отец, увидев часть рисунка на одной из фоток в сети, сразу оттащил на проверку к врачу и долго орал, обзывая шлюхой, и прочими производными...

Ангельские пёрышки покрывались мурашками от каждого бранного слова, где-то под ними слева истошно болело...

Обращения отца стали мягче только после озвученного

вердикта: непоруганная честь, непорочная...

Ему бы извиниться или на крайняк меня с этим поздравить, а он резанул смешком, навечно запечатлевшимся в памяти:

— «Ну раз насосала — носи. Больше, чтобы до совершеннолетия ничего вскрыто не было».

Лоскут, заменяющий юбку — в сторону. Школьные банты — рывком с резинки чулок. Один. Второй. К чёрту.

Наводя на кружеве хаос и стрелки.

Три шага вперёд. На колени. Перед тем, кто вытаскивал из дерьма все эти годы. Словом. Делом. Матом. Кулаками. Защищал. И любил. Надеюсь...

— Горло пересохло, — смеюсь, облизывая губы. Забираю из ослабших мужских рук початую, но почти полную бутылку. Пью залпом. Прячу стыд за зажмуренными веками.

Щеки горят. Волосы в причёске порядком распушены. Взрослый макияж и стрелки проверены и не таким тест-драйвом. Должны остаться идеальными.

— Капа-аа, — тяну отдышавшись. Прячу глаза не смотря в те, что, по ощущению, уже насквозь меня пробуравили. — Там белая простыня. Если не ты, то он меня просто продаст. Разыграет как лот на аукционе. Я не стану плакать, умолять. Я просто прошу помочь мне. Как друга.

Сердце выбивает виски. Слезы всё же вскрывают глаза.

Капают вниз, под истерические смешки и шмыганья носом. А он сидит и не шевелится. Пять секунд. Десять.

— Бл*дь, Лёш, ну, кабздец! — выпаливаю несдержанно.
— Давай, гони про то, какая я дура, про совесть, невесту, любовь, обязательства...

Тяну к губам шампанское, чтобы хотя бы как-то забыться. Отбирает. Обезоруживает уверенным захватом. Одним из тех, которым учил меня в детстве для самозащиты. Отбирает. Так же ловко, как когда-то ножи, с которыми привычно «играла».

— Катастрофа, — заключает он серьёзно, проговаривая нарицательным одну из форм моего имени. — Я не уверен, что остановлюсь, если ты передумаешь. Ты понимаешь?

Мотаю головой из стороны в сторону. Мажу по щекам слёзы. Жму губы по-детски, а уверяю по-взрослому:

— Я — не передумаю. Выбор за тобой. Да — да. Нет — мне тогда в петлю проще.

— Кать, это шантаж.

— Бунт, Лёш. Я не хочу прогибаться. Да и шея у меня красивая. Она же сломается.

— Красивая..., — тянет он задумчиво. — Такой грех ломаться.

— Тогда..., — кусаю губы и веду в сторону взглядом. Яркий мат. Шелковая простыня комом.

Безысходность или всё же подарок...?

Бедовая

Он даёт утомленному силу, и изнемогающему дарует крепость©сн 40:29

-Катерина-

Белый — этот цвет всегда ассоциируется с чем-то приятным. С пушистыми облаками на небе; со сладкой ватой в парке аттракционов; с подвенечным платьем невесты... А в Индии, Китае и у большинства арабов — этот цвет считается траурным.

Возможно, традиция о простыни новобрачных, отчасти поэтому несёт в себе белоснежный цвет. Если на нём, после брачной ночи, не оставалось и следа — девушке было проще распрощаться с жизнью, чем вынести муки позора.

Времена меняются, меняются нравы. А цена у девственности есть и сейчас. Просто об этом уже не принято говорить.

Для кого-то её стоимость совсем несущественна. С ней прощаются на пьяной вечеринке или на выпускном из школы. Хорошо, если с защитой, да и парень знакомый...

Для кого-то невинность становится способом заработка.

Или лотом на аукционе, как часто шутит мой папа. Абы кому её не продашь. Здесь правит выгода. Она и только она. Деньги. Желательно кеш или крипта. У остальных платежей слишком длинный хвост для отслеживания.

Откуда я это знаю? Вопрос риторический. Я — дочь своего отца. Но об этом немного позже.

Итак, простыня, да? И девственность, которую, минуя два вышеописанных пункта, я планирую сделать подарком. Себе, в первую очередь.

Глупо спорить с тем утверждением, что я закоренелая эгоистка. Среди двух особей мужского пола, так же помешанных на себе и своих увлечениях — другая бы просто не выросла. А мама... Мама ушла от отца, когда я была совсем ребёнком.

Мне проще считать, что она ушла именно от него, а не бросила нас со Стасом. Хотя, по факту... На всё есть причины, да? Вот и у меня есть, чтобы прогнуть отца, а не прогнуться самой и свалить, в это далекое и светлое будущее.

А есть цель — к чему возводить преграды?

Белая простыня. На ней бы идеально смотрелся праздничный торт.

Кто бы запретил использовать мне её вместо скатерти? Я бы с удовольствием зацепила пальцем полную гору крема с красочной макушки. А ещё, не привлекая особого внимания, прошлась бы по боку десерта языком и откусила бы

смачный кусок. Вымазалась бы вся, но была бы при этом самой счастливой...

Примерно так, когда-то я представляла мой восемнадцатый день рождения, а не с заплаканными глазами, нагой перед Лёшкой в подвале. Вернее в спортзале, что не меняет общего смысла. И с той же белоснежной скатертью, по сути. Вот только тортом на ней обязуюсь быть я.

— Почему я? — провоцирует мужской голос.

Его владелец без особой нагрузки поднимает меня с колен и фиксирует у себя на руках. Визуально шарит в полутьме глазами, ища плед или что-то во что хочет меня закутать, чтобы согреть.

Мне действительно холодно. Он прав. Знобит от эмоций. Порядком от стресса, стыда, да и от страха тоже.

— А кто ещё Лёш? — жмусь к стальной горе мышц, не решаясь озвучить истинную причину. Импровизирую и пытаюсь казаться веселой. — Кого я ещё могла выбрать? Самоуверенного придурка Мейера или галантного пацифиста Линча? Это для меня мелко. Фила? Да ну, нафиг! Там чистая клиника на фоне неразделённой любви. Занимать место одной из твоих сестёр я рядом с ним не хочу. Остальные парни в нашей компании то сменялись, то разъехались, то были знакомыми-однодневками. А Стас мне родной брат. И как бы я не любила это пресмыкающееся, но на инцест идти не готова. Пусть твоя вторая сестрёнка с ним мучается.

— Всё то ты знаешь лучше всех и наперёд, — задумчиво смеётся Капулов, так и не решив куда меня приткнуть, за время моего капризного монолога.

— Я умная. Ты заметил?

— Ты бедовая, Кать, — продолжает он со вздохом. — Всегда найдешь приключений на свои выдающиеся сантиметры.

— Это ты меня сейчас толстой обозвал? — подстрекаю, смеясь ему в шею. Без обид. Просто начинаю отходить от всего и отогреваться в руках из которых он уже точно не собирается меня отпускать.

— Это я подтвердил тот факт, что заметил, как ты выросла, — рассуждает спокойно. — И грудь третьего размера...

— Уже четвертого, — вставляю резонное замечание. — В балете всё через утяжку, а у меня гены... Хорошие...

— Уже четвертого..., — в очередной раз вздыхает Капа, опуская озвученное родство.

Мама, кстати, была красавицей в молодости. Фотографий не осталось, но я помню.

— ... ещё у тебя талия настолько узкая, что на ней легко сойдётся замок моих рук..., — жонглирует он аргументами, уверяя в моей неувядаемости по поводу продуманного эпитета о внешности.

— Угу..., — хмыкаю улыбаясь. — А ещё я попу слегка накачала. Теперь даже в трико не кажусь сзади такой плоской доской. Тоже заметил?

Лёшка смеётся тихо, но чисто, а я, не сдерживая порыва,

начинаю его целовать. Шею, щеки, губы. Поверхностно. До тех пор, пока между нами не стихают все звуки. Кроме грохота сердец и тяжести нестыкуемых обрывков дыхания.

— Я тебя люблю, — шепчу отрываясь. — Давно люблю, Лёш, — выпаливаю и поджигаю губы, точно в испуге, ведь забрать озвученное назад теперь больше никак. Кончилась тайна. Изжила себя. Ни к чему больше...

— Я знаю, — заключает серьёзностью Капулов. — Старался не замечать и уверять себя, что перерастёшь...

— Не смогла. А ты..., — «скоро женишься» — умалчиваю, не в силах озвучить.

И становится больно настолько, что сильнее просто нельзя. Дальше травматический шок. Как при ампутации без обезболива. Организм откажет, выключит сознание, прекратит эту пытку любым способом. Только бы выжить.

— А я тебя тоже, — подытоживает тот, кто крепко прижимает меня к области сердца. — И не понимаю, что с этим делать. Столько лет голову ломаю... Может в душ? Здесь же есть рядом.

— У меня заготовлены другие декорации..., — шепчу непослушными губами.

— Чтобы согреть тебя, — поясняет он буднично, будто только что не признался с любви. — Дрожишь вся. Давай хоть мою футболку наденешь...

— И джинсы, — смеюсь перебивая. — Сядь уже и меня

опусти куда-нибудь рядом, а потом повтори, что ты сказал.

Паркуется. Аккурат к тому же самому мату, где заготовлена атрибутика. Сажает меня на простынь, а потом всё же стягивает свою футболку и прячет меня под ней, как под чехлом.

Сам такой... Широкие плечи, крепкая шея, руки сильные, крепкие.

Я опять отчего-то смеюсь. Тихо. Рассмариваю знакомые очертания внешности. Точёные скулы, нос, губы.

— Я люблю тебя, Бершка. Ни как сестру друга или девчонку из общей компании, которую знаю с детства. Иначе. У меня после одних твоих прикосновений и губ на коже — внутри полный хаос. Если мы с тобой пойдём дальше...

— Окей, Капа, — выдыхаю, плавно скидываю с ног туфли, уводя в сторону высохший взгляд. — Проехали. Забыли. В следующий раз я позвоню тебе только по одной причине: назову мужское имя. И что ты с ним сделаешь меня совершенно не волнует.

— Отбивную, — глухо тянет он, схлопывая свои пальцы вокруг моего запястья. Не позволяет отдалиться или уйти. — А у меня разряд по боксу, Кать, меня точно посадят.

— Так мне по-любому ждать, — хмыкаю, а губы так и тянет в лукавой улыбке. Отворачиваюсь ещё больше, чтобы не видел. — Либо сядешь и выйдешь, либо женишься и разведёшься. Ты же любишь головоломки, умник? — всё же сме-

юсь на то, как он тянет к себе. И оборачиваюсь, соединяя взгляд. — А я тебя. Сильно.

Приближается, шепча у моих губ:

— Да гори оно всё... — и накрывает своими, как тем самым спасательным пледом, который не только согреет, но и спасет от любых катаклизмов.

Улыбаюсь. Обнимаю его. И целую в ответ. Потому что — да. Пусть горит. Ко всем, ко всему, что только известно. Я за. Лишь бы быть в этих руках. Лишь бы с ним... Куда бы не позвал. Следом.

Первая

Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов©сп 4:8

-Катерина-

— Помнишь, как дрался за меня в первый раз? — шепчу, дробя неловкую паузу, что возникает на стыке бесконтрольных эмоций и взбесившегося дыхания.

Раньше подобного никогда не было. Пауз. Таких. Как минимум. Мы с Капой в лёгкую могли болтать обо всём без умолку. Причём несколько часов подряд.

На любом сборище я всегда садилась к нему поближе: потому что с другими было менее интересно, и потому что в процессе можно было облокотиться, или залезть к нему под руку, чтобы обнял и поделился своим теплом.

Это тактильное общение никто не воспринимал всерьёз. У нас разница в возрасте в шесть лет; да и за Лёшкой, считай со своих двенадцати, бегала Сонька. Она младше его на год, мягкая с виду, но от этого не менее проворная.

Не успела Сонечка Ланс отпраздновать свои восемнадцать, как заявила всем и во всеуслышание об их отношениях, и даже беременности. Последняя в последствии как-то сама собой рассосалась, но помолвка осталась... Понятное дело, родители приняли их будущий брак на ура, раз Соня с шестнадцати прилюдно ходила с Капой за ручку из школы...

Как-то не вовремя я её вспомнила, прям в суг. Начиналась то эта цепочка ассоциаций с той первой драки...

В школе я никогда не была примерной девочкой и только балет был второй стороной моей же медали. Там я жила во всем белом и нежном. Там я танцевала не думая, а в школе ежесекундно ждала нападения и от всех защищалась.

До сих пор не пойму, почему отец не перевёл меня в другую, менее пафосную после всех слухов о разводе и грязи,

что было вылито со всех сторон на весть об уходе из семьи мамы...? Почему?

Известные семьи, элитный поселок, а пересуды — чернее грязи. Дети таких родителей обычно ещё более жестоки. С чего вдруг быть ми-ми-мишками, когда отсутствием запретов сорваны клеммы?

Но, кажется, папа даже и не задумался о том, что громкий развод заденет в школе его детей. Меня в большей мере, ведь Стас, как и вся компания, на шесть лет старше. На тот момент он был уже старшеклассником, имел вес, репутацию, а я...

Смутно помню с чего начался разговор с одним недоумком, но только привёл он к тому, что парень обозвал меня дочерью шлюхи.

Школьный двор. Перемена. В самом разгаре весна и большинство учащихся вышло на улицу. Меня учили отвечать за свои слова: я, естественно, ринулась вперёд, с диким желанием наказать обидчика и заставить подавиться обидными фразами, а он... Пнул меня так, что на пару секунд реально отъехала. А когда привела взгляд в правильный фокус, то придурка уже месил Капа.

Получал от директора тоже он, и родителей на разбирательства вызывали его, а меня не стали и слушать. Маленькая, глупая девочка, что с неё взять? Та, что соврёт и даже

не покраснеет. Чего ещё ждать от дочери Виктора? Правильно. После заголовков о громком разводе и слухов, что разошлись по округе до самой окраины — ничего хорошего.

В общем-то меня тоже тогда наказали, но против это вердикта не выступил даже папа. Приговором послужила отправка на принудительные дебаты со школьным психологом. Часто. Много. И пока тот не подпишет бумажку о моей эмоциональной вменяемости.

И никому невдомёк, что к тому моменту я и без него вычислила единственно верное, что стабилизирует моё внутреннее состояние: это возможность танцевать и Капа рядом.

— Я помню намного больше, чем помнишь ты, — шепчет он у моего уха и будоражит дыханием.

Вибрация врывается внутрь сквозь слуховой канал, цепляет каждую мышцу, натянутую как струны и отдается где-то на кончиках пальцев ног. Онемением. Дрожью. И жаром, что возрастает в груди под его крыльями. Теперь уже их пушат не мурашки от холода, а бесконтрольные волны и тепло, что курсирует от груди по всему телу.

— Капа, а я тебе ещё должна за тату, — улыбаюсь, меняя подтекст и смысл фразы, когда-то услышанной от отца. Почему «насосала» должно звучать именно так: противно и гадко, когда можно расставить приоритеты иначе? А заодно и разом проработать все глубокие детские травмы.

— Кате-е-рина, — глубоко выдыхает он, как-то не впечатлившись ещё одной новой идеей. Осталось только добавить, что до совершеннолетия папа настойчиво запрещал распаковывать всё... Тихо смеюсь своим мыслям и покрываю поцелуями любимое лицо. Дорвалась. Домечталась. И нифига это не переслащено!

Сильные мужские пальцы, что ранее выдерживали тысячи тренировок и могут быть крепче, чем сталь — сейчас невесомо скользят по моим рёбрам. Вызывают особые токи-иголки, которыми колют под кожу. Клеймят, единолично записывают под себя каждый пройденный сантиметр.

Они беспроблемно скользят под широкой мужской футболкой, что надета на моё тело. Лёшка даже не задирает её вверх, не снимает. Будто боится моего стыда, хотя минуты назад я показала ему куда большее.

Он действует безумно аккуратно. Словно опасается спугнуть. Буквально ощупывает всё моё тело подушечками и периодически снимает с моих губ горячие вздохи.

— Первый раз будет больно, — уходит в низы мужской голос, чей обладатель даже и не пытается нацепить на меня розовые очки.

Тяжесть его тела вдавливают в плотный мат.

— Ты никогда не задумывался о боли, когда ввязывался за меня. Спасибо, — шепчу ему запоздало. Конечно ранее говорила, но не с таким глубоким надрывом. — И я всегда

знала, Лёш, что первым будешь именно ты. Хотелось бы уверить, что единственным, но кто я такая, чтобы о подобном клясться... Одно его слово и меня...

Жмурюсь и обнимаю широкую шею крепко-крепко. Впечатываюсь грудью, противореча всему враждебному миру:

— Я никогда не стану шлюхой, Капулов. Я была и буду всегда только твоя.

Он плавно целует меня в висок, удерживая освободившейся рукой под затылок. Глубоко тянет носом запах моих волос. Не обещает лишнего, потому что не приучен бросать слов на ветер. Но всё запоминает. Каждое из озвученного. Знаю. Придёт время — обдумает.

Лучшая

Я могу сделать всё это через того, кто даёт мне силу©с-
n4:13

-Катерина-

Даже по лезвию ножа можно пройти так, чтобы не пораниться и не оступиться. Пуанты, балет — на деле, это про

силу духа, а не про видимую нежность и робость.

Балансировать на грани — ежедневная работа и условие успешного выполнения любых задач. Однако, после «столкновения» с Лёшкой я впервые ощутила всю мощь собственной слабости — десяток минут мнимого самоконтроля и небывалое ощущение хаоса. Внутренний мир не просто начал трещать по швам. Он разошелся на огромные щели, каньоны, овраги. Там, где прежде было более менее тихо и зелено — мгновенно выжгло всё бесконтрольное пламя.

Кожа к коже, скользя по слою испарины. И представить не могла, насколько это возбуждает и обостряет рецепторы. Слух и тот становится чётче. Различаются новые тональности знакомого голоса, такт дыхания. Мозг, не успевает записывать ощущения, путается в командах той или иной части тела. Все системы сигнализируют о нескончаемых сбоях. Голос сипит, пальцы дрожат. Волны внутри, подобно нескончаемой работе электрошока — накатывают, иссушая жаром нутро и резко выстужают холодом влагу на коже.

Поцелуи пьянят. Губы двигаются хаотично. Лишь бы что-то захватить. Лишь бы где-то оставить свой след, вкус, запах. На слова не хватает сил. И поэтому, каждое из них, обретает неимоверную значимость. О пустом в такой момент не болтают. Не растрачивают силы на глупости. Говорят о сокровенном и важном. Признаются в собственной слабости.

— Люблю, — вывожу на разрыв сознания, личности, плоти. Кусаю до крови губы, ощущая, насколько и он меня мощно и сильно.

Жар, боль, солоноватый привкус железа, сбитый фокус, рябь перед глазами, кровь — сотни ассоциаций, поменявших значение. Объединенных отныне одним и единственным центром притяжения: Капа. Без права стереть чем-то эти воспоминания или переписать под другим именем.

Толчки. Внеземные импульсы. Не столько ощущение боли, сколько осознание и моральное удовольствие от свершения. Мой. Единоличный. Выбор. Вопреки всему, что могло быть навязано. Момент, который уже никто не сможет отнять, перечеркнуть или испортить. Бессчётное количество поцелуев, прикосновений, объятий — база моей новой крепости и силы воли. И ни одно слово отца, ни один приказ или насмешка — не способны разрушить или отнять то, что сейчас дарит мне Лёшка.

Белая простыня. Флаг, который на наутро гордо выкину перед отцом. Его капитуляция. Моя победа. И плевать на то, какой речью он встретит подобный выпад. Против этого шага ему мне уже ничем не ответить.

Ощущения. Позволяю себе закатить глаза и отдаться им вдоволь. Без возможности анализа, сопротивления. Чисто на

инстинктах и желании принадлежать лишь ему одному. Сейчас. Выбивая лишний мусор из головы толчок за толчком. Бездумно вбивая ногти в стальные плечи.

Топлю в поцелуях стоны и звуки. Сжимаю зубы и мышцы, ощущая всю мощь и давление, габариты, если так позволено высказаться.

Усмехаюсь, сквозь слёзы от переполняющих эмоций:

— Капа... Я тебя до конца...

— Мало, — выдыхает он чётко. — Придётся его отсрочить.

— Нокаутируй, — смеюсь и целую. А крепкие руки бережно держат меня в своём коконе и вдавливают в тело, соединяя орбиты.

Десять минут. Больше. После...

Обессиленно лежу на плече Капулова, прикрывая глаза под медленные, уверенные поглаживания. Кажется, Лёшка ко всему в жизни подходит продуманно, и только я получаюсь спонтанно...

Сверху на мою спину накинута его футболка, а простынь испачкана настолько, что у отца, при одном взгляде на улику, отпадут все сомнения. Главное, чтобы не возникло желание снять ДНК и сверить с теми, кто входит в мой круг общения.

Кто ж мог подумать о том, что Капа не таскает с собой пачку презервативов? Кто-то. Возможно. Точно не я.

Вопрос, насчёт измен невесте, так же толерантно оставим открытым. Нет сил лезть с такими расспросами. После. Возможно. Но не сегодня.

— Камеры? — задаёт он коротко.

— Выключила.

— А посёлок?

— Пацан с КПП был должен. Скажет: сбой.

— Ты когда всё продумать успела? — усмехается с виду, на деле вздыхает.

— Я умная, — вторю устало. Он всё же тихо смеётся и ошутимо кивает.

— И что мне с тобой такой умной делать, Катеринка?

— Ничего, — хмурюсь, не продумав ранее эту часть плана. Резко обрубаю мечты, заставляя себя вернуться к реальности.

Складывать сказки про «долго и счастливо» — не моя тема. Не было подобных в детстве перед глазами. В моих мыслях всегда чёткие кратковременные и долгосрочные планы. В первое, Капа до сегодняшнего дня и не входил вовсе, во второе, к сожалению, просто не вписывается.

— Лёш, я не врала насчёт клуба, — прячу глаза, считывая его дыхание, что замедляется сильнее, чем мой неспешный вдумчивый слог. — У меня реально завтра прогон. Справлюсь — получу эту работу. Всё сложится — свалю из дома. Я не собиралась обязывать тебя к чему-то. И разом ломать твою жизнь тоже не собиралась. У тебя профессия, дина-

ствия и даже Сонька, а я..., — усмехаюсь ниоткуда взявшимся силам на разговор. — А я умею танцевать, обольщать мужской пол и правильно снимать компромат. Несколько флешек спрятано в моём ящике в академии. Их копии под днищем моей кровати.

— Это ты мне сейчас для чего рассказываешь? — голос Капы уже не несёт дружелюбия и веселья. В нём живая статья и желание, как минимум объяснить мне на пальцах, что подобного делать нельзя. Как максимум... А максимум был уже. Всё. Не воротишь.

Поднимаюсь на колени, натягивая футболку.

— Просто, чтобы знал. Не лезь, ладно? Я сама со всем разберусь. С отцом тоже.

— Ка-ать, — тянет, схлопывая пальцы вокруг моего запястья.

— Я в душ, — сглатываю, как и он, толком не понимая, что делать дальше. — Ты следующий, а потом уходи. Просто уходи.

— И всё, да, умница?

— Не знаю, — дергано улыбаюсь и, как он учил, ловко выхожу из захвата. — Спасибо за всё. Я правда люблю, но... Не смотри так. Не знаю, что дальше...

Гордячка

Молю, чтобы не упасть мне пред противниками, и чтобы не порадовался надо мною враг мой©сн 23:3

-Катерина-

— Выходим так же через окно, — бросаю тому, кто буравит меня взглядом насквозь, в то время, как я стыдливо отпуская в пол голову. — Лёш, постарайся, чтобы тебя никто не увидел. Пожалуйста.

— Как скажешь, Бершка, — хмыкает он безлико, так редко упоминая при мне эту форму прозвища.

...«как скажешь...» — отдается гулом в висках, пронзает насквозь тупой болью, а с его «я тебя люблю», — моё прозвище звучало куда вкуснее и намного приятнее...

Ворот мужской футболки мокрый от его отросших на макушке волос. Влага блестит на руках, потому что он едва ополоснулся ледяной водой и вытерся наспех.

Я за это время успела переодеться в своё: черные лосины, худи с капюшоном — вещи, в которых до полуночи вылезла по стене дома из своей спальни.

Молчу, не поднимая взгляда выше, чем его шея, а всё равно люблюсь тем, что имею. И прогоняю в памяти Лёшкины поцелуи. Всё то новое, что за эту короткую ночь удалось мне познать. Ощутить. Проникнуться.

И всё же задумываюсь, нехотя, но наперёд, о том, что для меня в нём ещё остаётся скрытым и столь притягательным.

— Иди, — прошу выдыхая. — Иначе брошусь на шею и не отпущу. Пожалуйста, Капа. Это моя ставка против отца. Тебе не нужны эти скандалы. У тебя карьера впереди, а он их устроит. Я помню, как было с мамой. Он тебе такое припишет и свидетелей же найдёт. Не отмоешься...

— Прекрати пугать, — чеканит серьёзностью. — Я за каждое слово и действие способен ответить.

— Знаю, — многократно киваю. — И за это я тебя тоже..., — вздыхаю, сглатываю недоговаривая. — Иди. Я чуть позже.

Не надо просить трижды того, кто понимает тебя с первого раза.

Он уходит к стене. Забирается на небольшой приступок и ловко подтягивается вверх. Этого достаточно чтобы ухватиться за карниз, что служит дополнительной перекладиной.

Пара секунд и Лёшка исчезает в небольшом прямоугольном окне, что располагается практически вровень с землёй.

Я выжидаю десять долгих минут. Слушаю тишину и отбойный молоток, вместо сердца. А после повторяю его манёвр. Прикрываю специальной ниточкой раму. Тихо обхожу

дом сбоку. Прислушиваюсь. Набрасываю капюшон на голову и начинаю восхождение по трубе.

Когда-то подсмотрела за Стасом. Решила повторить — получилось.

Взять что ли рюкзак? Накидать на его пересменку, паспорт, наличку, флешки и свалить куда глаза глядят? Пробовала. Быстро нашли. Не успела даже заселиться в скромный отель — паспорт тут же пробили. Но тогда я была несовершеннолетняя, а теперь...?

Подоконник моей спальни. Всё быстро и чётко. Открыть, прикрыть после рамы.

Выдыхаю только после того, как оказываюсь на середине матраса. Тело начинает не по-детски знобить. Скидываю кроссовки и прямо в одежде забираюсь под одеяло. Внизу осталось шампанское, простынь, белье... Вообще сейчас пофигу.

Дверь спальни закрыта на замок и приторкнута стулом. Не отслеживаю время. Не беру в руки телефон, чтобы прочитывать немногочисленные поздравления. Плевать.

Сон. До утра. Как минимум до рассвета. А что потом? Потом крики, ругань, мат и возможно рукоприкладство. В этом случае просто солью собранные данные в сеть.

На моих бесконечных глупых селфи тоже запечатлено много интересного. Задний план — подарок для тех, кто подмечает детали. Сколько мероприятий за последний год я

обошла с отцом? Бессчётное множество.

Здесь вам и любовницы, и любовники известных деятелей, или их жён. Здесь интрижки и удачные сделки. Бизнес не всегда бывает чист на руку. Папа один из тех, кто имеет друзей и связи по обе стороны от закона. И использует их в своё удовольствие, сохраняя репутацию человека, знакомство с которым может открыть для тебя большинство необходимых дверей, но и обанкротить тебя за считанные минуты.

Каким бизнесом в реальности он владеет, под маской уважаемого и честного налогоплательщика? Если когда-то решу сдать его, то расскажу. Пока эту информацию лучше не трогать.

Натягиваю на глаза повязку для сна и начинаю проваливаться в забытие буквально через секунды. Конец весны. Гулять бы ночи напролёт, а я...

«...с днём рождения...» — отдается где-то знакомым голосом в мыслях.

Благодарю про себя, а может даже озвучиваю. Не помню....

По утру, под непрекращаемый грохот в дверь, возникает лишь желание резко присесть на кровати, стянуть с глаз маску и пространственно осмотреться.

Сон был не сном, обрывком реальности. Рядом с подушкой лежит конверт, а в нём, на проверку, оказываются день-

ги.

Банально, но чего ещё ждать от старшего брата, который и понятия не имеет, что мне действительно надо?

— Катерина! Снесу эту дверь с петель, если не откроешь!
— грозно призывает отец не своим голосом. Видимо, чтобы тоже встать в очередь и поздравить меня с днём рождения.

Опускаю из слуха мат, что наполняет пространство. Не спеша поднимаюсь. Миную зеркало, стараясь в него не смотреть. Убираю повязку на голову, фиксируя растрепавшиеся пряди.

Лосины, толстовка, вчерашний макияж и прическа — навряд ли этот лук покажется отцу сносным.

Убираю стул. Слегка отхожу в сторону, отпираю замок.

Дверь тут же отлетает в стену от яростного удара.

— Что это? — тихо зубоскалит он, растягивая мои губы в довольной улыбке.

Нависает — на полметра шире, на пару десятков выше. Грозит своей силой, возможностями, и держит в правой мой скомканный реквизит со дня рождения, а в левой бельё и шампанское.

— Кажется, это называется повзрослеть, папочка. Выкинь. Я наигралась. Не стоит оставлять использованные игрушки на память.

Простынь действительно падает на пол, а вслед, по моим

губам, прилетает нечто вроде пощёчины. Пару раз прежде улавливала похожую ласку, случайно высказавшись при нём вне цензуры.

Только сейчас приложенная сила слегка увеличила свою мощь. Пересохшая нижняя губа разом трескается от такого напора и рецепторы языка активно ощущают металлический привкус крови, а челюсть — щемящую боль.

— Восстановишь, — машет он по мне недовольным взглядом, говоря далеко не про губы, с которых слизываю языком кровь. — Захотела потрахаться в своё удовольствие — значит ляжешь ещё и под нож. А потом отработаешь, — усмехается любящий отец, заканчивая свою поздравительную речь.

Забирает из моей ослабевшей левой конверт, что оставил Стас. Заглядывает внутрь, опрокидывая до этого в глотку не газированное шампанское.

— Приму как задаток. Быстро собрала вещи, умылась и подготовила паспорт. Отвезу в клинику после завтрака.

— Пап! — выкрикиваю, поджимая губы. Мотаю головой. — Ты не имеешь права...

— Пока ты живёшь в этом доме, то выполняешь мои порядки, — усмехается он, превращая улыбку в оскал дикого хищника.

Темные ёжик на голове отливает сталью, как жёсткая звериная шерсть. Радужку карих глаз пожирают зрачки и всё, что мне остаётся в ответ — только прятать свои. Бегающие

из стороны в сторону в испуге.

— Мы с тобой договаривались? — хмыкает он. — Оставишь сообщение на своей странице, что улетаешь на пару дней в неизвестном направлении. Типо сюрприз. И сдашь телефон, ясно?

Мотаю головой.

— Ты не посмеешь.

— Катерина, ты хочешь хорошо устроиться в этой жизни или повторить судьбу мамы?

Молчу. Подбирая слова, а он считывает паузу за согласие и даёт установку, без права на дальнейшее размышление:

— Через двадцать минут будешь внизу с вещами, иначе дам ребятам поиказ перерыть носом землю, но узнать кто он такой и бесшумно, в тёмном переулке, свернуть ему шею. Или желаешь сама откусить её после спаривания, а дочь?

— Я буду, — сжимаю челюсти и разворачиваюсь на пятках.

Грудь выжжена изнутри едкой ненавистью. Ноги сами по себе идут к шкафу. Руки кидают на смятую постель походную сумку, вещи. Мозг не стыкует сигналы.

И как в этом состоянии сделать фото или записать счастливое видео? Так, чтобы поверили.

Поверил. Капа.

— Пап? — окликаю отца в полуобороте. — Поклянись, что не станешь его искать? Иначе я сделаю звонок и в сеть уплывёт...

— Катерина, — оборачивается он смеясь. — Ты мне угрожаешь? Нет? — выдыхает сквозь паузу в которую не решаюсь ответить, зализывая губу. — Нет, — констатирует он смеясь грозным басом. — Вот и умница. Значит показалось.

**Перьями Своими осенит тебя, и под
крыльями Его будешь безопасен;
щит и ограждение — истина Его.**

Капулов Алексей - 24 года

Умный, воспитанный, интеллигентный. Тот ещё борец за справедливость.

Наследник дипломатической династии. Его отец — Анатолий Капулов — занимает важный пост при посольстве уже третий десяток лет.

За плечами нашего героя элитная школа и, не менее пафосная, Академия; спорт; рисование и увлечение тату.

Капулов с малых лет занимается боксом. Взял немало вер-

шин, выучил на зубок кодекс чести любого бойца, отчего и заработал прозвище, что созвучно с фамилией.

Капа — это про надёжность, защиту; гордость и надежду.

Имеет двоих сестёр: двойняшку по имени Злата, и младшую любимицу Нику, с которой мы знакомы в «Табу».

Официально помолвлен на Соне Ланс, что с детства считала его своим «Ангелом-хранителем», а он звал её своей лучшей подругой.

Семья с радостью приняла известие о планировании этого брака, в то время, как с семейством Бероевых у Капуловых ощутимые разногласия (а с учётом того, что натворили Ника и Стас...), видеть Катерину в роли любимой/невесты своего сына, родители Алексея будут явно не готовы (и это они ещё не знакомы со всей её подноготной)...

Но, если пойти против всех ...?

То...

Глава 2. Мятежница

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его©сн 1:5

-Катерина-

— Пап, это не честно, — напрягаю дрожащие губы, отвернувшись к боковому окну проезжающего автомобиля.

Стекло затемнено. Я прекрасно вижу прохожих на улице, и то, как они с интересом осматривают подъехавшую к парадному тачку. Девушки ловят в зеркальном стекле своё отражение. Парни расчехляют недёшевые телефоны, пытаются сделать селфи на нашем фоне.

Этот город не удивить дорогими авто, но и здесь Виктор Беров превзошёл самого себя, выторговав на одном из аукционов эксклюзив, за который простому смертному проще убить, чем попробовать расплатиться.

В итоге к клинике пластической хирургии, мы приехали на самом приметном автомобиле в городе. И это после моих сториз в сеть, где я пообещала вернуться через пару-тройку дней с кучей всего интересного, а также устроить для друзей после незабываемую вечеринку в честь моего совершеннолетия.

Обещать — не значит жениться. Эта аксиома твёрдо-на-твердо вбита в меня отцом. Но, сейчас не об этом...

— Придурки, — комментирую чужое поведение, при виде дорогой тачки. — Они же наверняка знают, кто ты такой? Сейчас выложат в сеть и объясняйся потом, что ты делал возле одной из лучших клиник пластической хирургии.

— Сиськи подарил очередной любовнице, — скалится отец. — Не переживай, дочь. Найду, чем прикрыть твою задницу.

— Я имею право выбирать сама: где и с кем, а не жить по твоей указке! — всё же пытаюсь протестовать, задирая голову на высокое здание, в котором уже была пациенткой. Нос сломала. По дурасти в школе.

Вернее, полезла драться с одним идиотом за очередные обидные слова, а он приложил меня в стену, рядом с которой стоял. Моя месть за это членовредительство лишила его пару-тройки здоровых рёбер. Жаль только, злорадство от этого было совсем не долгим. Да и Капа, из-за этого инцидента, вновь влетел под заслуженное наказание.

Дальше так продолжать было нельзя. Характеристику подобные выпады ему портили знатно. Про свою я особо не думала, но именно этот момент сподвиг меня на сближение.

Пришлось пройти с ним ни один курс самообороны и доказать, на деле, что я не нуждаюсь в защите. Подобного больше не повториться. Справлюсь и уложу болевым приёмом

любого, кто посмеет отозваться обо мне плохо... А нос...

Папа быстро замял это дело и правдоподобно соврал окружению, что я всегда хотела переносицу «слегка уже». Так почему же он, имея неограниченные возможности, не может побаловать наследницу качественной ринопластикой?

Следующий мой визит сюда произошёл лет в тринадцать. Я запоздало узнала о том, что Капулов собирается жениться и попыталась порезать вены.

Видимо, мой ангел-хранитель привык бдеть по ночам. Меня продержали в элитной палате неделю. До полного морального и физического восстановления; для согласования шлифовки шрамов в дальнейшем.

Лёшка даже и не узнал о произошедшем идиотизме. Папа замял моё отсутствие очередной отговоркой.

Хороший у меня родитель. Понимающий. Всем бы таких...

— Имеешь право? Так приведи мне этого ублюдка, я с ним поговорю по-мужски, — открыто ухмыляется папа. При этом родной голос насыщается нотками азарта, игры. Особого ража, с которым он принимает к осмыслению мою ставку.

Виктор Бероев — это всегда один бесконечный и баснословно дорогой аукцион. А что выступит на нём в виде лота... Я? Или, например, моя девственность. Жизнь? Не столь важно.

Хотя, достаточно интересно, в какую сумму любящий отец оценил бы последнее?

— Катерина, — давит он на меня тяжестью стали. — Если этот твой пацан со стальными яйцами, то где он сейчас? На-бери, — протягивает мне свой телефон, призывая к ответу за выше озвученное. — Пусть выкупит тебя. Пусть докажет мне, что сможет исполнять все твои капризы и достойно со-держать. Пусть заявит на тебя какие-то права, а не отсижи-вается в кустах, после того как сравнял мою дочь с дешёвы-ми шлюхами.

— Он сравнял или ты? — вспыхиваю гневом так, что ще-ки бесконтрольно становятся алыми.

— Деточка моя, — ощутимо теряет терпение папа. — Я ни одному е*лану до твоего совершеннолетия не позволил тебя где-то и как-то зажать. Зато собрал вокруг тебя армию фана-тов и одну из величайших картотек с компроматом. Кто мне помешает после этого ещё и продать тебя подороже, прору-бив окно в шикарное будущее? Ты или какой-то прыщавый переросток?

Молчу, стивнув зубы, а он звучно хмыкает, наверняка считывая моё поведение за проявление слабости.

Прикуривает, опуская стекло. Отсылает воздушный поце-луй одной из девушек с испорченной фотосессией. Та сму-тившись, неестественно улыбается по самые десна, а папа иг-риво бросает к её ногам одну из своих визиток.

— Поэтому мама от тебя и ушла, — всё же раздуваю ноздри от злости. — Ты чудовище.

— Не больше, чем ты, — фыркает он. — Яблоко от яблоньки, Катюш. А маму я сам выгнал, узнав об её измене. Только вначале пустил её по кругу. Знатное получилось видео напоследок. Столько воспоминаний и разом задействованных лиц. Все как один известные личности. Как-нибудь покажу тебе это кино, раз ты теперь считаешь себя взрослой.

Звучно сглатываю, перекрывая для себя его смех. В висках долбят басы, под кожей ощутимо вибрируют звуки. А он продолжает, выдыхая комками дым:

— Столько лет прошло, а они все до сих пор ссут, что я могу обнародовать это видео. И полетят к чертям должности, браки и головы. Пожалуй, оставлю этот компромат тебе в наследство. В случае чего такое кино всегда прикроет твою голую задницу и распахнёт перед тобой любые закрытые двери. А сейчас вышла, — командует холодом стали. — И вернула себе статус, которого так по-дурацки лишилась!

Открываю рот, чтобы опротестовать, но он затыкает заносчивым продолжением:

— И с губами что-то сделай. Пусть через пару дней не останется и следа от этого отёка и травмы.

— И сколько ты прикажешь мне здесь торчать?

— Врач сказал, что в течении пары часов у тебя соберут все анализы и сделают операцию, а вечером и завтра станут

наблюдать, чтобы всё прошло гладко. Никакой чрезмерной кровопотери и прочего. Положишь, отдохнёшь, подумаешь в элитной палате, пока папочка подготовит для тебя более дорогую постель...

Рывком открываю дверь, не собираясь выслушивать список из претендентов. Подхватываю с заднего сиденья сумку с паспортом и переодевкой. Мой телефон остаётся в машине.

— Я могу...? — не отпускаю взгляд от знакомого аппарата. Вечером прослушивание в клубе и, если я не приду, то...

«Приду» — хмыкаю про себя. Адрес и координаты организатора помню, номер не так важен. Пару часов на анализы, столько же на операцию. К вечеру буду в форме. А, если не отпустит обезболивающее, то и ещё лучше.

Он лишил меня телефона, карт, но в карманах полно налички, а такси здесь поймать не проблема.

— Не смей играть со мной, Катерина, — предупреждающе бросает вслед папа. — Или ты добровольно исполняешь мои указания, или делаешь тоже самое, но под напором.

— Как же..., — цежу сквозь зубы и хлопаю дверью. Паспорт. Парадный вход. Натягиваю улыбку и иду отмечаться на ресепшн.

Грубьянка

С гордостью приходит посрамление, со смирением приходит мудрость©сн 11:2

-Катерина-

— Катерина Викторовна, — распаляется передо мной в объяснениях главврач, а я сижу расслабленно в кресле, закинув ногу на ногу, покачиваю в воздухе носком кроссовка и слушаю его через слово.

— Гименопластика, — продолжает темноволосый метросексуал в узких овальных очках.— Вид хирургического вмешательства, которое представляет собой два вида операций: кратковременную и долгосрочную. Первая проходит под местным обезболивающим и сохраняет девственную плеву от семи до двадцати дней. Вторая требует более серьёзного вмешательства и проходит под наркозом. Она обеспечивает...

— Не утруждайтесь. Папа явно уже нашёл мне жениха и не станет ждать так долго, — нагло перебиваю того, кто старше меня минимум вдвое.

Томно потягиваюсь от недостатка сна, привычно выпячи-

ваю грудь, под широкой футболкой. Вижу боковым, как он наблюдает за мной масляным взглядом. Едва не облизывается, гад, вопрошая более сладко:

— Позвольте задать несколько уточняющих вопросов по поводу вашего здоровья?

— Валяйте, — широко зеваю, игриво прикрывая рот тонкими пальчиками. — Угостите девушку кофе? От силы пару часов за ночь поспала.

— Тогда может всё же наркоз? — широко скалится врач.

— О нет. Я предпочитаю знать и видеть, что со мной делаю, — улыбаюсь, повторно напоминая ему о своей просьбе.

Кофе появляется спустя пару минут. Крепкий, горький, с противнейшим послевкусием, но ободряющий. Благодарю и продолжаю разговор уже меньше зевая.

Врач зачитывает стандартный список вопросов, помимо озвучивания кучки анализов. Проговаривает момент, что сама операция продлится около двадцати минут. Предупреждает о том, что заниматься спортом после неё нельзя в течение пары дней.

Ага. Как же! Едва не хмыкаю в голос.

У меня кастинг начинается в шесть. С учётом всех подготовок, пробок... Я вполне должна успеть появиться там вовремя.

— Также необходимо сделать экспресс-тест и сдать кровь на наличие беременности, — продолжает он зачитывать список, под мой несдержанный смех. Улыбается широко и фри-вольно. Ведёт по мне взглядом с головы до кроссовка. — Что-то не так, Катерина Викторовна?

— Да всё не так, но вам же плевать? — задаюсь, уже едва не закашлявшись от приступа неудержимого веселья. — А что, если ваши тесты подтвердят беременность? Вы откажетесь делать мне операцию?

— В этом случае мне необходимо будет взять с вас расписку о том, что вы уведомлены о возможных последствиях. Любое хирургическое вмешательство и употребление подобных медикаментов могут негативно сказаться на...

— Ой, не продолжайте! — заявляю резонно. — Если я вдруг от кого ни того забеременею — вы явно узнаете об этом первым. И меры станете принимать лично. У вас же помимо хирургии на красоту здесь разное практикуется, правда? Светские львицы порой так падки на случайные связи, — плавно облизываю губы, цепляя мужской масляный взгляд, что безмолвно соглашается с каждым озвученным словом. — Да. Я не беременна, — хмыкаю сухо. — Продолжайте пытаться меня дальше.

— Как давно вы начали половую жизнь? — прищуривает он глаза под очками, а стёкла в противовес делают взгляд не серьёзным и профессиональным, а каким-то откровенно

маньячным и хитровые*анным.

— В другой жизни, — заявляю устало. В наглуую отворачиваюсь от того, кто успел осточертеть со своими вопросами. Подтягивая под себя ноги и сижу, пялясь в стену, поцеживая свой кофе.

— Конкретнее, — морально наседает врач, выпытывая из меня нужные данные.

— Сегодня. Ночью. У меня день рождения, — выписываю убитым тоном.

— Поздравляю вас, Катерина Викторовна, — издевается надо мной ещё один представитель мужского пола, напрочь лишённый морали.

Не отвечаю. Лишь сжимаю пальцы вокруг небольшой чашки. А самóй так и хочется запустить её в «светлую» голову, покрытую тёмной шевелюрой. И, ведь попаду. Ножи в яблочко и не с такого расстояния привыкла метать. А здесь какая-то кофейная чашка... И башка, что так и просит ей врезать.

— Я требую от вас быструю операцию на обезболивающем и анализы по минимуму, — чеканю отцовской сталью, не поворачивая головы. — Чем раньше сделаете, тем лучше. Я полностью здорова. Также мне нужна палата класса люкс: первый этаж, балкон, вид во двор и бутылка шампанского.

— Спутниковое тв, быстрый интернет идут в довесок, — издевается доктор. — А может быть, заявите ещё вертолёт

и миллион евро?

Оборачиваюсь. Мажу по врачу холодом взгляда. Сбиваю спесь фирменной улыбкой отца: откровенным презрением против того, кто посмел вякнуть, когда его не просили.

— Хватит всего, что я указала, — чеканю сталью, отставляя на столик опустевшую чашку. — Кофе у вас паршивый. Надеюсь, остальные услуги в этой забегаловке сейчас осуществляются белее качественно. Иначе папа будет вами весьма недоволен. А недовольный Виктор Бероев — это колоссальные проблемы.

— Всё пройдёт по высшему разряду, — клацает зубами врач, поправляя свои узкие очки. — Прошу проследовать в процедурную, Катерина Викторовна, а после того как анализы будут готовы, вас переведут в операционный блок.

— А нельзя просто сообщить папе, что всё уже сделано? — запоздало ретируюсь. Пытаясь выглядеть в глазах оппонента не такой уж и сукой. — Я бы могла заплатить необходимую сумму за ваше молчание.

— Чтобы, узнав о подобной сделке, ваш отец в грубой форме высказал мне своё недовольство? Нет уж, увольте, Катерина Викторовна, — зло усмехается врач. — Мы выполним свою работу в лучшей форме и вы, и ваш папа останетесь нашими специалистами очень довольны. А если, вдруг у вашего отца вновь изменятся планы по поводу выбранного вам жениха, и девичью честь придётся вернуть ещё раз

— обращайтесь. Двери этой клиники всегда для вас настежь открыты.

— Очень великодушно с вашей стороны, — хмыкаю, желая провалиться сквозь землю, а не начинать все эти грёбанные приготовления.

— Любой каприз, — подытоживает врач. — Палата класса люкс, первый этаж, выход во двор и кофе куда лучше, чем прежний...

Доводит пустым коридором до нужной двери.

— Располагалась. Всё вскоре будет готово, а ваша чистейшая репутация восстановлена.

Самостоятельная

... ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг ©сн 3:17

-Катерина-

Пять часов вечера.

Физическое состояние на уровне нормы. Моральное — ниже некуда.

Светлые потолки, приятные лазурные стены. Широкая плазма, несколько современных картин на стенах. Лёгкие белые шторы под синими, что выполняют роль блэкаута. Распахнутая и манящая дверь на балкон...

Палата класса Люкс, как и было заявлено «в моём райдере». На банкетке лежит моя сумка с вещами, среди которых есть чёрные, плотные гимнастические лосины и ажурное боди с прозрачной юбкой. Спортивная толстовка, что спрячет под собой всю красоту. Кроссовки, небольшой тканый рюкзак под объёмные туфли.

Встаю с единственной, довольно широкой кровати, что напичкана техникой и датчиками, на манер хорошего компьютера. Отрываю от руки какие-то проводки на круглых липучках. Морщась, вытаскиваю из вены катетер, с которого продолжает капать непонятная жижа. Пережимаю руку для остановки крови.

Звуковые сигналы начинают орать в палате практически сразу. На них буквально влетает молодая испуганная санитарка и спешит уточнить: всё ли у меня нормально?

— Захотелось воды и умыться, запрещено?

Нагло вскидываю бровь, лишая девушку возможности высказаться. Палата класса Люкс. Персонал знает, что с клиентами порой лучше держать язык за зубами.

Цепляю боковым зрением своё отражение в зеркале, пока она приходит в себя для ответа. Перемещаю фокус взгляда на свои волосы — какие-то тусклые, спутанные, под глазами пролегли видимые тени. Губы обескровленные, светлые, с синевой на месте утренней раны.

В общем, выгляжу порядком хреново... Реально больная с виду. И не только на голову!

— Со мной всё нормально. Умоюсь и лягу. Не наводите панику, — прошу её тише.

Санитарка недоверчиво кивает и тихо выходит за дверь. Я иду в ванную приводить себя хоть в какой-то порядок.

Позже выхожу одеваться, заранее удостоверившись, что начальство не поднято и никто не ожидает в новом катетере и обновлённым лекарством для неведомой капельницы. На всякий случай подпираю дверь стулом, а комком из салфеток блокирую замок на балконной двери. Так, она не закроется от ветра, а я не уйду в свою же ловушку.

Обезболивающее в карман, туда же наличку. Плотные, поддерживающие мышцы шорты вместо привычных трусиков танго или веревочек-стрингов.

Упаковываюсь по полной. Аккуратно выхожу на балкон, что тонет в тени. До парковки отсюда пару сотен метров.

Капюшон на голову, поверх пучка волос. Рюкзак за плечи. Перелезаю через перила, стараясь не думать о проведённых надо мной манипуляциях и швах, которые вполне мо-

гут разойтись, при одном неловком резком движении. А мне ещё танцевать и резюмировать шпагат. Оба. И поперечный в этом случае...

— Справлюсь, — подначиваю сама себя, выбираясь на улицу.

По стеночке, к углу здания, к парковке.

Беру первое попавшееся такси, называя адрес клуба.

— Плачу двойной счётчик, если будешь на месте через полчаса.

— Буду, — ухмыляется азартный водитель. Тёмные глаза загораются праведным блеском, губы выводят улыбку.

— Меньше слов, — прошу, устало прикрывая глаза. — Если вдруг усну — разбуди. Получишь сверху двадцатку.

Соглашается, а я всё же плавно отъезжаю в бессознательное состояние. Открываю глаза уже по факту, на знакомую вывеску. Парень указывает на часы, счётчик и требует чаевые за крепкий кофе.

Сую ему европейскую сотню. Не жалко. Получу здесь место — за вечер буду собирать в десять раз больше только на чаевых, что затыкают под резинку трусов или чулков, если первые сняты.

Рюкзак. Кофе. Неспешные шаги. Представляюсь секьюрити, что дежурит на входе. Амбал сверяет списки, а я порядком удивляюсь его умению читать. На лице парня явное отсутствие признаков интеллекта, при этом он в разы шире

и пугающе выше меня.

Стою, не решаясь язвить. Жму губы, под толстым слоем помады. Впиваю ногти в ладони. И подбираю аргументы под свое опоздание. Начало в шесть, но народ всегда собирается раньше.

— Проходи, — кивает он глухо, и я мгновенно ретируюсь, не дожидаясь повторного приглашения.

Захожу в темный коридор и иду сторону в полумрака, что рассеивается среди ярких вывесок неона и направленных точечных подсветок софитов.

Оказываюсь в основном помещении. Смотрю на сцену, прозрачный подиум, уходящий в зал. Зависаю взглядом на подвешенные объёмные клетки и стальные шесты на специальных возвышенностях. А также мажу взглядом по кучке таких же, как я, соискательниц на два вакантных места.

— Фамилия? — презрительно хмыкает один из сотрудников, на чьей груди красуется золотой бейдж с наименованием подробности и именем, что я не читаю. Сканирую холеную внешность, короткие светлые волосы, пиджак, поверх дерзкой футболки.

Ему лет двадцать пять. Себе цену знает, другим — тем более.

Расслабляю пальцы вокруг стаканчика с кофе и удерживаю его более свободно. Скрываю в этом отвлекающем жесте всё своё внутреннее напряжение. Проговариваю свободно:

— Бероева.

— Ты та, что ещё и балерина? — ухмыляется он, явно припоминая присланное мной резюме с комплектом разнообразных фото. — Окей. Выбирай позицию и музыку. Покажи, на что способна. Начальству зашла такая эстетика.

— Шест и Сэм Браун, — заказываю без спешки, плавно пожимая плечами.

— По классике пройдемся? Ну что же, — игриво подмигивает повесевший парень, отсылая наверх диджею: — Включи чёрному лебедю тётушку Сэм и камеры активируй сразу! Посмотрим, чего стоит девчонка!

Присаживаюсь на край дивана, не заходя в толпу, что наблюдают за мной с особым остервенением. Привычно, как и в любой подобной стезе, все, за глаза желают мне поскользнуться или того хуже. А на губах тянут улыбки и даже приветственно машут.

Не реагирую, чётко зная временной период шедевальной композиции. И то, что на припеве я уже должна занять высшую точку пилона, чтобы изобразить с неё «свободное» скольжение вниз.

Взбираюсь на подиум, купируя боль.

— Готова? — выкрикивает тот парень, встречая моё бо-ди и юбку поверх лосин куда более заинтересованным взглядом.

— Да, — кладу горячую ладонь на холод металла. При-

крываю глаза и вслушиваюсь в начальные аккорды. А потом...

— Oh, you'd better stop before you tear me all apart, (Остановись, пока ты не разорвал мою душу на части), — проникновенно вытягивает голос, предрекая моё контролируемое падение в связке элементов с широким шпагатом.

— You'd better stop before you go and break my heart, (Остановись, пока ты не разбил мне сердце), — вывожу про себя, проклиная за то, что не выпила по приезде пару-тройку таблеток. Мышцы, связки, всё отзывается на любое движение так, будто режут прямо сейчас — на живую.

— Ooh you'd better stop! (Остановись!) — взываю, сжав зубы, на очередной скрутке, уходя в поперечный шпагат.

Боди, зафиксированное поверх лосин — давно сброшено. Прозрачная юбка игриво развивается при каждом движении. Волосы распущены. Грудь — частично прикрыта прядями и пушистыми перьями Капы...

Если бы он присутствовал на этом прогоне, то заявил бы, что я порядком схлтурила. По сравнению с тем, что творила перед ним вчера ночью — здесь детский лепет.

Завершаю медленной связкой. Выдыхаю со стоном воздух, что скопился в спазмирующих лёгких.

— Могу лучше, — заявляю уверенным тоном. — Через

пару-тройку дней. Сегодня сбежала после операции из клиники Грема.

— И что же прошло корректировку? — недоверчиво хмыкает парень. Мусолит меня жадным взглядом. — Грудь, папа?

— Девственность с утра восстанавливала, — смеюсь, скрывая боль за натянутой, широкой улыбкой. — Бонус для самого щедрого клиента.

— Интригуешь, — заходится он громким смехом. — Девочки, кому слабо повторить подобное? Одно место осталось вакантным. В очередь!

Спускаюсь с приступа, используя протянутую мужскую руку как дополнительную опору.

— Заполни данные на договор, — тише кивает он в сторону широкого стола у основного дивана, пока десяток человек спорит кто пойдёт следующий. — Потом впишешься в расписание, принесёшь в кадровый справки о здоровье и паспорт. Совершеннолетняя, надеюсь?

Киваю бездумно. На всё поступающее.

— Воды можно? Обезболивающим закинуть.

— Реально что ли говорила? — вскидывает он бровь недоверчиво.

— Ага, — киваю, вспарывая над сумкой серебряный блистер с таблетками. — Папа подарил девственность на день рождения. Он у меня слегка с е*анцой.

— Занятно, — скалится, то и дело облизывая меня взглядом, пока не скрываю тело толстовкой. — Значит бонус?

— Твоя щедрость не знает границ? — игриво хрюну под флиртом звучное «выканье». В клетке уже расположилась одна из девиц, а по ушам начали бить знакомые аккорды. — Пойду пропишу данные и вернусь в клинику, пока папа не опомнился о побеге.

— А работа здесь ему придётся по вкусу?

— Девушки выступают в масках, верно?

— Да, — соглашается он лаконично.

— Буду надеяться, что под ней его здесь не увижу. Всё остальное — пофиг у...

— Хм-м, — выдыхает блондин задумчиво. — Бонус самому щедрому... К сожалению, у нас не приветствуются межличностные отношения, а так... Озвучь ты это на выступлении — каждый первый будет стараться расщедриться.

Отчаянная

Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?©сп 6:27

-Катерина-

Конкуренция. Я слишком привыкла к тому, что это слово не несёт под собой хороших понятий, поэтому перестала замечать её вовсе.

Ни одной из девочек, что присутствовали на кастинге, не приходилось играть роли, предписанные моим отцом. Я с детства в центре внимания, да к тому же под колпаком. Куда ни плюнь — заметят, доложат. А упустили, так тебя всё равно продолжит последовать чувство, что это всего лишь поблажка. Оступись ещё раз — прилетит, что и не расплатишься!

А единственным секретом от отца, на который всё же хватало сил — был Капа и мои чувства к нему. Сколько теперь я смогу держать эмоции под контролем, зная, что моё влечение и чувства всё же взаимны?

Такси. Тот же водить, встречающий у входа уже как родной. Бутылка воды в одной руке, стаканчик с кофе в другой. Вытягивает передо мной обе на выбор.

— Почему вы не уехали? — уточняю, благодарственно принимая воду. Сопровождаю жест тихой улыбкой. Час-полтора — под таблетками мне ещё будет сносно. После... Буду в клинике под присмотром.

— Мужик на входе сказал, что кастинг длится недолго. Куда вы в таком состоянии дальше? Решил подождать.

— Совсем паршиво выгляжу? — хмыкаю, присаживаясь в автомобиль, дверь которого передо мной так галантно распахнута.

— Если смыть штукатурку..., — ухмыляется водила. — Глаза выдают. Когда паршиво — тогда паршиво. Хоть десять слоёв краски наложи. Боль не закроешь.

— Да вы философ, — накрываю голову капюшоном от яркого солнца. Создаю тень над усталыми веками. — К той же клинике, пожалуйста. И можете не спешить. Я заплачу меньше.

— На работу не взяли? — уточняет он сочувственно перед тем, как захлопнуть пассажирскую дверь и занять своё место.

— Взяли. Просто долг большой. Много отрабатывать.

— Вода с меня, остальное по счётчику, — сообщает водитель, плавно трогаясь с места. — Оплата за километраж, а не за время в пути, так что можете поспать.

Благодарю, намереваясь именно это и сделать. Документы заполнены. В расписание я встала условно. Записалась сразу на несколько дат: через неделю, пять дней и три дня. Телефон указала свой, раз уж к тому времени буду дома.

А сейчас... облакачиваюсь на стойку двери. Направляю

ниже на глаза капюшон. И, как по волшебству, следующая локация красуется перед глазами уже с другим видом: парковка у клиники, угол знакомого корпуса.

Кое-как раскачиваюсь от сна, плачу, выхожу.

В рюкзаке туфли, на мне кроссовки. Перед глазами заметно плывёт. Картинка не подгружается, как в испорченной матрице.

Автопилот ведёт на приоткрытый балкон. Подтягиваюсь на руках. Стараюсь особо не задействовать ноги.

Оказываюсь на законных квадратных метрах, сбрасывая в сумку лишние вещи. Замыкаю и как есть падаю на постель. Руки заметно дрожат. Сознание сбоит, но уверяет в свершившемся. К горлу всё больше подкатывает.

Щедро ударяю кулаком по яркой алой кнопке. Над головой тут же взрывается писк вперемешку с подобием какой-то сирены.

Кривлюсь в желании заткнуть уши руками.

— Как-то херово ваши врачи надо мной поработали, — еле шевелю пересохшими губами, не улавливая в фокус взгляда санитарку, что моментально прибежала на вызов.

— А что вы..., — пытается испуганно лебезить, нажимая какие-то кнопки. На мне всё те же лосины, кроссовки, толстовка.

— Йогой занялась. Немного растяжки добавила. Нельзя терять форму, — смеюсь на остатках сил и зажмуриваю гла-

за, ощущая очередные подкатывающие приступы. — Вколите какой обезбол, а? — прошу выдыхая. — У меня высокий болевой порог, но здесь олл инклюзив.

— Да-да, сейчас, — частит она сбивчиво, а я вновь закрываю глаза в невозможности терпеть яркий свет, да ещё и при этом думать.

Вспышка. Тьма. Смена декораций. Когда открываю глаза в следующий раз, за окном уже ночь или близко к тому. Темно. Фонари. От изголовья кровати и по стенам расходятся отблески ярких лампочек.

В вену вновь вставлен катетер. При этом обе руки обездвижены, видно, чтобы вновь не выдернула капельницу. Предплечья зафиксированы к боковинам постели плотными кожаными ремнями, а под левой, как в издёвку, покоится новая переносная яркая кнопка.

Жму на неё, ожидая прихода персонала. Губы иссушило так, что не двигаются. Горло — что и звука не вымолвишь.

— Воды, — всё же сиплю в тихой просьбе.

Санитарка покорно промачивает влажной губкой мой рот, аккуратно поит после.

— Закрывайте глаза, Катерина Викторовна, — умоляет извинительным тоном. — После вашей выходки восстанавливаться придётся дольше. Отпустить вас до утра не могу. Нужно несколько смен лекарств.

— Угу, — мычу, даже не думая, что к чему. Глаза закры-

ваются в невозможности держать веки открытыми.

— Спите, — слышу, сквозь пелену. — Ни о чём не беспокойтесь, я периодически вас навещаю.

Плевать. На деле. Но, что скажешь, когда и сказать то особо никак?

Папе донесут, что дочь и здесь показала себя не особо послушной. Пренебрегла настоятельными рекомендациями врачей. Никого не оповестив, сбежала в неизвестном направлении...

В свою защиту можно выставить многообразие аргументов, но станет ли мой отец слушать, раз так легко и просто пренебрёг моим днём рождения?

А меньше чем через месяц созывается ещё и бал дебютанток, где семьи высшего общества представят элите своих совершеннолетних дочерей в роли завидных невест или возможных любовниц.

Здесь уж, кто как удачно пристроится. Всё определяет случай. Или цена за выбранный лот, если карты судьбы раскидывает Виктор Бероев.

Бесстрашная

Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его©сп
6:45

-Катерина-

— Ну и что это было? — будит родной голос хлеще любого будильника.

Разлепляю глаза, испытывая ярый приступ светобоязни. Морщусь. Ловлю неприятных солнечных зайчиков. Состояние такое — будто с похмелья. При этом тело вроде не ломит, мысли до чёртиков спутанные.

— Катерина? — заводится с полуоборота отец. Повышает голос, отражаясь в эхо от стен. — Будешь молчать?

— Отвали, — спорно дёргаю рукой, с удовлетворением отмечая, что санитарка исполнила своё слово и подарила к утру желаемую свободу действий. А ещё с лихвой накачала меня анальгетиками. И за это ей моё бесконечное «филе данке».

— Я же узнаю, где ты была. С кем — тоже узнаю, — насеждает отец, бесподобно отыгрывая роль блюстителя порядка, девичьей чести и всего, что связано со смыслом морали.

— Я танцевала. Хорошо, кстати, — поворачиваюсь к отцу

пятой точкой, объясняя без слов, что на этом разговор можно считать закрытым. — Это ты как раз поощряешь, папочка.

— Только попробуй ещё раз подвернуть подобное, — пугает пуганную. Ладно, хоть не матеря через слово.

Видно, санитарка не врала по поводу восстановления и увеличенных сроков. Отец, несмотря на всю свою привычную мощь, сталь и силу, что многократно повышает любые мои попытки к сопротивлению — сегодня ощущается каким-то несобранным, сдутым.

Если его напугали врачи по поводу моего состояния, что же — надо будет не забыть сказать им спасибо.

— Всё? — хмыкая сухо, выказывая всем видом, насколько претит сейчас общение с ним.

— Всё, — заключает он иным тоном, от которого всё же пробегает холодок по горячей коже.

— Когда я могу устроить вечеринку за свой день рождения? — мысленно прогоняю перед глазами всех тех, кого хотела бы видеть. Компания почти сходит на нет. Десять — двенадцать человек. Не больше.

— После бала, — выплёвывает со смешком папа. — А если сойдёшься с тем, кого я для тебя подобрал, так, может, справишь заодно и помолвку.

— А любовь вообще роли не играет? — задаю, сама не зная зачем. Горестно выдыхаю себе под нос, не надеясь, что

он пропустит подобное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.